

Эрих
ФРОММ

Теория
Зигмунда
Фрейда

Издательство АСТ
Москва

УДК 159.9
ББК 88.6
Ф91

Серия «Философия — Neoclassic»

SIGMUND FREUD'S MISSION

*First published by Harper & Brothers, New York,
in the "World Perspectives" Series edited by Ruth Nanda Anshen.*

**GREATNESS AND LIMITATIONS
OF FREUD'S THOUGHT**

Перевод с английского *А.В. Александровой*

Дизайн обложки *В.А. Воронина*

Печатается с разрешения The Estate of Erich Fromm
and of Annis Fromm и литературного агентства Liepman AG,
Literary Agency.

Фромм, Эрих.

Ф91 Теория Зигмунда Фрейда: [сборник] / Эрих
Фромм; [пер. с англ. А. В. Александровой]. — Мо-
сква: Издательство АСТ, 2019. — 288 с. — (Филосо-
фия — Neoclassic).

ISBN 978-5-17-113571-3

Интерес к теориям Зигмунда Фрейда, оказавшим значитель-
ное влияние на психологию, медицину, социологию, антро-
пологию и искусство XX века, не прекращался всю его жизнь
и продолжается по сей день. Эрих Фромм, второй гений от пси-
хологии, анализирует тезисы теории своего кумира, открывая
новые грани во всемирно известном учении.

УДК 159.9
ББК 88.6

© Erich Fromm, 1959
© The Estate of Erich Fromm, 1980
© Перевод. А.В. Александрова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Миссия Зигмунда Фрейда

I

Страсть Фрейда к истине и его мужество

Психоанализ, как любил подчеркивать сам Фрейд, был его созданием. И великие достижения, и недостатки этого учения несут отпечаток личности своего основателя. Не приходится сомневаться, что истоки психоанализа следует искать в личности Фрейда.

Что он был за человек? Какие движущие силы заставляли его действовать, думать и чувствовать именно так, как он это делал? Был ли он, как утверждали его враги, венцем-декадентом, погруженным в чувственную и распущенную атмосферу, типичную, как принято думать, для Вены, или великим мастером, лишенным личных недостатков, тщеславия и себялюбия, бесстрашным и бескомпромиссным в своем поиске истины, любящим свою семью, добрым к ученикам и справедливым к врагам, каким считают его самые верные последователи? Несомненно, и обличения, и героизация мало что дадут для понимания сложной личности Фрейда; не помогут они и оценить воздействие его личности на структуру психоанализа. Та самая объективность, которую Фрейд считал необходимой предпосылкой при анализе пациентов, незаменима при попытке создать картину того, кем он был и что им двигало.

Наиболее заметными и, возможно, самыми мощными эмоциональными силами Фрейда были *его страсть к поиску истины и бескомпромиссная вера в разум*. Для него разум был единственной человеческой способностью, которая могла помочь разрешить проблему существования или по крайней мере облегчить страдания, неизбежные в человеческой жизни.

На взгляд Фрейда, только разум был тем инструментом — или оружием, — с помощью которого можно понять смысл жизни, избавиться от иллюзий (религиозные догмы Фрейд считал лишь одной из них), сделаться независимым от сковывающей власти авторитетов и тем самым стать хозяином себе. Эта вера в разум была основой его непреклонного поиска истины, стоило ему только обнаружить теоретическую закономерность в сложности и многообразии наблюдаемых феноменов. Даже если с точки зрения здравого смысла результаты казались абсурдными, это Фрейда не беспокоило. Напротив, насмешки толпы, чье мышление определялось стремлением к удобству и спокойному сну, только подчеркивали различие между убеждением и мнением, разумом и здравым смыслом, истиной и рационализацией.

В своей вере в силу разума Фрейд был сыном века Просвещения. Его девизом — *Sapere aude* («Смей знать») — Фрейд руководствовался и в жизни, и в работе. Эта вера исходно порождалась освобождением европейского среднего класса от ограничений и предрассудков феодального общества. Спиноза и Кант, Руссо и Вольтер, как бы ни различалась их философия, разделяли эту страстную веру в разум; все они боролись за новый, истинно просвещенный, свободный и гуманный мир. В XIX веке это стремление продолжало существовать среди представителей среднего класса Западной и Центральной Европы, в особенности среди ученых, посвятивших себя прогрессу есте-

ственных наук. Еврейское происхождение Фрейда* только способствовало его приверженности духу просвещения. Сама еврейская традиция основывалась на разуме и интеллектуальной дисциплине; кроме того, подавляемое и презираемое меньшинство испытывало сильное эмоциональное стремление к поражению сил тьмы, иррациональности, суеверий, которые препятствовали его освобождению и прогрессу.

В дополнение к общей тенденции, свойственной европейской интеллигенции конца XIX века, в жизни Фрейда существовали особые обстоятельства, возможно, усилившие его стремление полагаться на разум, а не на общественное мнение.

В отличие от других западных держав Австро-Венгерская монархия при жизни Фрейда была разлагающимся трупом. Она не имела будущего, и разные части страны удерживались вместе исключительно силой инерции, несмотря на то что национальные меньшинства яростно стремились к независимости. Это состояние политического упадка и развала не могло не вызвать у интеллигентного подростка подозрений и не разбудить его ищущий ум. Противоречие между официальной идеологией и фактами политической реальности неизбежно должно было вызвать сомнения в словах, лозунгах, заявлениях властей и укрепить его критическое отношение к действительности. В случае Фрейда этому способствовало и еще одно обстоятель-

* О том же говорит Элен Уокер Пьюнер в своей превосходной биографии Фрейда [8]. Ее книга — самая проникновенная биография Фрейда; во многих отношениях, особенно в том, что касается еврейского происхождения Фрейда и квазирелигиозного характера психоаналитического движения, мои заключения очень близки к высказанным ею. Исчерпывающий анализ связей Фрейда с еврейским окружением содержится в работе Эрнста Саймона «Зигмунд Фрейд, еврей» (Ежегодник II Института Лео Бека, Л., 1957. С. 270ff). Я также признателен профессору Саймону за прочтение данной рукописи и ряд ценных критических замечаний.

ство. Его отец, преуспевающий мелкий предприниматель из Фрейберга (Богемия), потерял свое дело из-за общих перемен в экономике Австрии, которые разорили его и привели к обнищанию Фрейберга. Подростком на собственном горьком опыте Фрейд узнал, что экономической стабильности доверять следует так же мало, как и политической, что никакая традиция или общественное устройство не обеспечивает безопасности и не заслуживает доверия. К чему же все это могло привести необыкновенно одаренного мальчика, кроме как к выводу о том, что полагаться можно только на себя и на свой разум как на единственное надежное оружие?

Таковыми же были обстоятельства, в которых росли многие другие мальчики, однако они не стали Фрейдами; не возникло у них и страстной жажды истины. В личности Фрейда должны были присутствовать особые качества, которые отвечали за необыкновенную интенсивность этой жажды.

Что это были за качества?

Несомненно, в первую очередь следует подумать об интеллектуальной одаренности и жизненной силе, далеко превосходящих средний уровень, которые были присущи Фрейду от природы. Такой необыкновенный дар в сочетании с философией Просвещения и отказом от обычного доверия к словам и идеологиям — одного этого могло бы хватить для объяснения стремления Фрейда полагаться на разум. Могли наличествовать и чисто личные факторы: например, желание добиться успеха, что тоже предполагало опору на разум, поскольку никаких других преимуществ, будь то деньги, высокое социальное положение или физическая сила, в распоряжении Фрейда не имелось. Если присмотреться к еще более глубоким чертам характера Фрейда, которые, возможно, объясняли его страсть к истине, необходимо отметить некоторые отрицатель-

ные элементы: отсутствие эмоционального тепла, привязанностей, любви и наслаждения жизнью. Это может звучать как неожиданное утверждение применительно к человеку, который открыл «принцип удовольствия» и считался поборником сексуальных наслаждений, однако факты говорят о таких качествах Фрейда достаточно ясно, чтобы не осталось никаких сомнений. Позднее я приведу некоторые доказательства этих заключений; здесь достаточно сказать, что, учитывая дарования Фрейда, культурный климат, специфически европейские, австрийские и еврейские элементы его окружения, молодой человек с его жаждой славы и признания, лишенный радостей жизни, должен был искать приключений в сфере знания, если хотел осуществить желание всей своей жизни. Могли существовать и другие обстоятельства, объясняющие эту сторону личности Фрейда. Он был очень неуверенным в себе человеком, легко пугался, чувствовал себя преследуемым, преданным; поэтому, как и следовало ожидать, он испытывал огромное стремление к надежности. Фрейду, учитывая его характер, любовь этого принести не могла; единственную надежную опору ему давало знание, и он должен был завоевать мир интеллектуально, если хотел избавиться от сомнений и чувства неполноценности.

Джонс, рассматривая страсть Фрейда к истине как «глубочайший и сильнейший мотив в его натуре, тот, который двигал его к пионерным открытиям», предлагает объяснение, соответствующее ортодоксальной психоаналитической теории. В соответствии с ней Джонс указывает, что стремление к знанию «вскормлено мощными мотивами, проистекающими из детского любопытства к первичным фактам жизни» [7; Vol. 2; 433] (рождению и тому, что к нему привело). На мой взгляд, в таком заключении допущена огорчительная путаница: между любопытством и верой

в разум. Ранняя и сильная сексуальная любознательность может быть обнаружена у людей с выраженным личностным любопытством, однако представляется, что между этим фактором и страстной жадой истины связь незначительна. Другой фактор, упоминаемый Джонсом, также не намного более убедителен. Сводный брат Фрейда Филип был шутником, и «Фрейд подозревал его в связи со своей матерью; он со слезами умолял его не сделать мать снова беременной. Можно ли верить в то, что такой человек, который, очевидно, знал все секреты, скажет правду? Судьба странно пошутила бы, если бы этот незначительный человечек — говорят, он кончил тем, что стал разносчиком, — одним фактом своего существования высек счастливую искру, зажегшую в будущем Фрейде решимость доверять только себе одному и подавлять стремление доверять другим больше, чем себе, и тем самым сделать имя Фрейда бессмертным» [7; Vol. 2; 434]. Действительно, странная шутка судьбы, если бы Джонс был прав. Но не является ли это чрезмерным упрощением — объяснять «искру», зажегшуюся во Фрейде, существованием недостойного сводного брата и его сомнительными шуточками?

Говоря о страсти Фрейда к истине и разуму, необходимо упомянуть (хотя это будет обсуждаться ниже, когда мы дойдем до более полного рассмотрения характера Фрейда), что для него разум ограничивался понятием «мысль». Чувства и эмоции *per se* были для него иррациональны и тем самым уступали мысли. Философы века Просвещения в целом разделяли это осуждение чувства и эмоции. Мысль была для них единственным способом достичь прогресса, а разум проявлялся лишь в мысли. В отличие от Спинозы, они не видели, что аффекты, как и мысль, могут быть и рациональными, и иррациональными и что полное развитие человека требует рациональной эволюции того

и другого. Они не видели того, что если мысль и чувства разъединены, то и мышление, и чувства искажаются, и что представление о человеке, основанное на таком разъединении, оказывается искаженным тоже.

Эти рационалистические мыслители полагали, что если человек разумом понимает причины своего несчастья, то это интеллектуальное знание даст ему силы изменить обстоятельства, которые вызывают его страдание. Фрейд находился под сильным влиянием такого подхода, и понадобились годы, чтобы преодолеть ожидания того, что одного знания причин невротических симптомов хватит для того, чтобы их излечить.

Описание страсти Фрейда к истине сделало бы его портрет неполным, если бы не дополнялось указанием на одно из его самых необыкновенных качеств — его мужество. Многие люди потенциально обладают стремлением к истине, к правде. Трудным реализацию этого потенциала делает то, что она требует мужества, а мужество встречается редко. Мужество, о котором идет речь применительно к Фрейду, — это мужество особого типа. Доверие к разуму требует готовности рисковать тем, что окажешься в изоляции, в одиночестве, а такая угроза для многих страшнее, чем угроза для жизни. Однако поиски истины неизбежно подвергают того, кто ищет, именно опасности изоляции. Истине и разуму противостоят здравый смысл и общественное мнение. Большинство держится за удобные рационализации и за поверхностный взгляд на вещи. Функция разума — проникнуть глубже этой поверхности и добраться до сути, скрытой за ней; объективно — то есть без оглядки на свои желания и страхи — показать силы, движущие материей и человеком. Такая попытка требует мужества, чтобы вынести изоляцию, а то и презрение и насмешки со стороны тех, кого истина тревожит и кто ненавидит нарушителя собственного спокойствия. Фрейд обладал такой спо-

собностью в высочайшей степени. Его огорчала изоляция, он страдал от нее, однако никогда не проявил даже малейшего желания пойти на компромисс, который облегчил бы его положение. Это мужество было предметом его величайшей гордости; он никогда не думал о себе как о гении, но ценил свое мужество как самое выдающееся качество своей личности. Такая гордость могла даже иногда оказывать негативное влияние на его теоретические формулировки. Он с подозрением относился к любому теоретическому положению, которое могло показаться примирительным, и, как Маркс, находил определенное удовлетворение в том, чтобы говорить вещи *plus épaté le bourgeois* (шокирующие буржуа). Определить источники мужества нелегко. В какой степени это был врожденный дар Фрейда? В какой степени он — результат чувства своей исторической миссии, в какой степени — внутренняя сила, связанная с его положением несомненно любимого сына матери? Скорее всего все три источника внесли свой вклад в развитие необыкновенного мужества Фрейда, однако дальнейшее обсуждение этого, как и других черт личности Фрейда, следует отложить до тех пор, пока мы не придем к более глубокому пониманию его характера.

II

Отношения Фрейда с матерью; уверенность в себе и уязвимость

Понимание факторов (не считая конституциональных), которые определяют развитие характера любого человека, должно начинаться с изучения его отношений с матерью. Однако в случае Фрейда мы знаем об этом относительно мало. Впрочем, этот факт сам по себе знаменателен, потому что Фрейд в своих автобиографических трудах о матери почти не упоминал. Среди более чем тридцати собственных снов, которые он приводит в «Толковании сновидений», лишь два касаются его матери (усердный сновидец, Фрейд наверняка видел гораздо больше снов, в которых она фигурировала, но сообщать об этом не захотел). Те два, о которых идет речь в «Толковании сновидений», выражают глубокую привязанность. Ниже приводится «сон о трех судьбах».

«Я вошел в кухню в поисках пудинга. Там оказалось три женщины; одна из них была хозяйкой гостиницы и что-то мяла в руках, как будто лепила клецки. Она ответила мне, что нужно подождать, пока она будет готова (определенных слов при этом не произносилось). Я ощутил нетерпение и вышел, чувствуя себя обиженным. Я надел пальто. Однако первое, которое я померил, оказалось мне длинно. Я его снял, удивившись тому, что оно отделано мехом. Второе, которое я надел,